

УДК 811.511:142

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-741-750

**Хантыйский язык газетных публикаций «Ханты-Манси Шоп (Шой).
Остяко-Вогульская правда» – «Сталинская трибуна»
в пространстве советского дискурса (1931–1940)**

С. В. Онина

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
oninas@yandex.ru*

А. Г. Киселев

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
kiselev1954@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность темы, прежде всего, определяется феноменом дискурса – силы в эпоху «форсированного строительства социализма в СССР» преобразовавшей Север, а также вопросом о роли в этом дискурсе хантыйских текстов и их авторов.

Цель: заключается в определении роли хантыйского языка в названном дискурсе в формировании новой социальной реальности Севера.

Материалы: хантыйские тексты газеты «Ханты-Манси Шоп (Шой). Остяко-Вогульская Правда» – «Сталинская трибуна», приказы по редакции газеты.

Результаты и научная новизна. Показаны становление хантыйского языка, как младописьменного, его роль в конструировании новой социокультурной реальности Севера. Новизна данного исследования заключается в характеристике общественного сознания новой этноэлиты через анализ газетных текстов.

Характеристика «официального хантыйского языка» и мировоззрения активистов из числа ханты и манси может быть использована при подготовке соответствующих разделов академической «Истории Югры», а наблюдения и выводы авторов в целом при изучении истории этножурналистики.

Ключевые слова: младописьменный хантыйский язык, репрезентационные возможности, пространство советского северного дискурса, жанрово-тематические группы текстов, заимствования.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-512-23006\21.

Для цитирования: Онина С. В., Киселев А. Г. Хантыйский язык газетных публикаций «Ханты-Манси Шоп (Шой). Остяко-Вогульская Правда» – «Сталинская трибуна» в советском северном дискурсе (1931–1940) // Вестник упродведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 741–750.

**Khanty language in newspaper publications «Khanty-Mansi Shop (Shoy).
Ostyako-Vogulsk Pravda» – «Stalin's Tribune»
in the space of the Soviet discourse (1931–1940)**

S. V. Onina

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
oninas@yandex.ru*

A. G. Kiselev

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
kiselev1954@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the relevance of the theme, first of all, is determined by the phenomenon of discourse – the power in the era of “forced construction of socialism in the USSR” that transformed the North, as well as by the question of the role of Khanty texts and their authors in this discourse.

Objective: to determine the role of the Khanty language in the discourse in the formation of a new social reality of the North.

Research materials: Khanty texts of the newspaper «Khanty-Mansi Shop (Shoy). Ostyako-Vogulsk Pravda» – «Stalin's Tribune», orders of the newspaper's Editorial Board.

Results and novelty of the research: the formation of the Khanty language as the newly scripted, its role in the construction of a new socio-cultural reality of the North is shown. The novelty of the research lies in the characterization of the public consciousness of the new ethno-elite through the analysis of newspaper texts.

The characteristics of the «official Khanty language» and the worldview of Khanty and Mansi activists can be used in the preparation of the relevant sections of the academic book «History of Yugra», and the observations and conclusions of the authors in general can be used in the study of the history of ethno-journalism.

Key words: newly scripted Khanty language, representational capabilities, space of the Soviet Northern discourse, genre and thematic groups of texts, borrowings.

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 21-512-23006/21.

For citation: Onina S. V., Kiselev A. G. Khanty language in newspaper publications «Khanty-Mansi Shop (Shoy). Ostyako-Vogulsk Pravda» – «Stalin's Tribune» in the space of the Soviet discourse (1931–1940) // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (4): 741–750.

Введение

Актуальность темы, прежде всего, определяется феноменом дискурса – силы преобразовавшей Север в эпоху «форсированного строительства социализма в СССР», а также местом и ролью в этом дискурсе хантыйских текстов и их авторов – советских активистов ханты.

Теоретические основания избранной темы лежат в плоскости проблематики модернизации – объекта исторической науки, а также дискурса и межкультурного взаимодействия – объектов лингвистики и культурной антропологии.

Использование соответствующих подходов позволяет решить историографическую задачу – приоткрыть завесу, скрывающую эволюции общественного сознания прошлого, в том числе на уровне советской этнической элиты и отдельных её представителей.

В рамках темы в историографии интерес представляют сюжеты о «национальных кадрах» / «национальной интеллигенции» в монографии Л. В. Алексеевой [1], публикация А. А. Галямова и М. Ф. Ершова о хантыйском художнике М. А. Тебетеве, чьё творчество определено авторами как своеобразный синтез «патриархальной культуры обских угров и культуры советского официоза» [3, 104].

Среди работ лингвистов отметим статьи по истории бытования хантыйского языка Н. Б. Кошкаревой [11], по проблемам перевода и заимствований – В. Н. Соловар [20], А. Д. Каксина [10], Н. В. Новьюховой [15]. О связи языка и идентичности писали И. А. Николаева [23], З. Макроби-Утази [22], С. В. Онина [24; 25] и М. Чепреги [26].

В 1994 (2008 г. на русском языке) и 2019 гг. увидели свет фундаментальные исследования Ю. Слёзкина [19] и Е. В. Переваловой [16], отличительной чертой которых является междисци-

плинарный подход и стремление показать советские преобразования глазами коренных малочисленных народов. Авторы рассматривают, в том числе, такие вопросы, как:

а) складывание и развитие политики советизации в её когнитивных и идеологических основаниях;

б) реакция на эту политику коренных малочисленных народов, её восприятие на уровне этноса, группы, личности;

в) формирование и характеристика поведения новой этнической элиты.

Новизна данного исследования заключается, прежде всего, в характеристике общественного сознания новой этноэлиты через анализ газетного хантыйского языка. При этом языковые явления рассматриваются «не отдельно от человека, а в синтезе с ним как субъектом дискурсивных процессов, языковой личностью» [2, 7].

Официальный северный дискурс, его жанрово-тематическое, лексико-стилистическое пространство выступают объектом, а газетные материалы на хантыйском языке – предметом исследования, призванного описать хантыйские интерпретации новой социальной реальности Севера. При этом хантыйские тексты оцениваются не только как «произнесённые», но и как «осознанные», – как выражение понимания советизированным представителем коренного этноса «строящегося нового мира», а сам неопит, как «человек в его социально ориентированной знаковой деятельности» [18].

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили тексты на хантыйском языке, опубликованные в региональной газете «Ханты-Манси Шоп (Шой). Остяко-Вогульская Правда», утратившей первую часть своего названия в апреле 1937 г., а в январе 1941 г. переименованной в «Сталинскую

трибуну»¹ (далее в статье – газета). При этом учитывались все типы текста, включая лозунги и подписи под изображениями, приказы по редакции газеты 1938-1941 гг.

Предмет и вышеназванные подходы предполагают использование, прежде всего, принципа историзма, требующего рассматривать отдельные явления, во-первых, в развитии, во-вторых, в контексте – в связи с изменяющейся окружающей действительностью, её идеями и образами. Используются методы историко-генетический, периодизации, сравнительный.

Оценки состояния «газетного» языка выработаны с помощью анализа грамматики и стилистики хантыйских текстов.

Результаты

Хантыйские тексты появлялись на свет крайне редко (в 1932–1933 гг. не было ни одного), что затрудняет периодизацию их публикации. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в течение 1931², 1934 и 1935 гг. газета выходила соответственно 6, 8 и 9 месяцев. 1941 г. мог стать годом наибольшего роста публикационной активности, но в условиях начавшейся

войны выпуск хантыйских текстов был прекращён. Тем не менее, если исходить из фактора роста числа публикаций, можно определить как первый период 1934–1935 гг., когда после трёх на свет появилось двадцать четыре текста, одиннадцать из которых составляли стихи начинающих хантыйских поэтов о колхозах и советской власти и ещё десять – тексты идеологической, массово-политической направленности.

Аналогичным образом с трёх до пятидесяти опубликованных материалов дал второй период 1936–1937 гг. И этот рост был обеспечен публикациями идеологического характера (21), материалами, посвящёнными культуре и образованию (12), а также вопросам хозяйственного развития округа (13).

Третий период пришёлся на 1938–1941 гг., для которых, с поправкой на указанную особенность 1941 г., также свойственен рост числа газетных хантыйских текстов, опирающийся в основном на хозяйственную проблематику (35 и 28 публикаций в 1940 и 1941 гг. соответственно).

Динамика публикации хантыйских текстов, их тематическое пространство представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика публикации хантыйских текстов и их тематика

Годы	1931	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	Всего
Темы текстов	Количество текстов									
Вопросы идеологии, агитации и пропаганды. Революция и классовая борьба, Советская власть и коммунистическая партия, вожди, строительство социалистического общества	2	2	10/4	-	19/2	-/11	24/2	6/4	10/7	73/30
Жизнь колхозов, социалистическое соревнование, охота, рыбопромышленность, сельское хозяйство	-	-	1/5	1	12	-	2/1	34	21	71/6
Местная промышленность, снабжение. торговля в округе	-	-	-	-	1	-	-	1	7	9
Культура, народное творчество, образование и наука на Севере	-	1	2/2	2	11/1	1/1	1	6/5	2	26/9
Другие	-	-	-	-	5	-/1	-	6	-/3	11/4
Всего:	2	3	13/11	3	48/3	1/13	27/3	53/9	40/10	190 / 49

Примечание: в знаменателе – публикации художественных текстов.

Представленная периодизация позволяет соотнести публикационную динамику хантыйских текстов с обстоятельствами исторического характера. Очевидно, что эта динамика отчасти обуславливалась общими социокультурными, политическими событиями и кампаниями. Таковы, например,

15 из 21 текста общественно-политической направленности «репрессивного» 1937 г., явно компенсаторного характера о «новой, хорошей жизни». Пять из них содержали прямую отсылку к прецедентным «жить стало лучше, жить стало веселее»:

¹ Далее в тексте используется понятие «газета».

² Статья «Хантыйский язык» Википедии содержит ошибку – первые хантыйские тексты появились в газете не в 1934, а в 1931 г.

«Ямыс хэн чос сутся / Рувынг мув охтын якта. / Кашынг Ропитты пите, / Кашынг вэл'ты пите».

Заголовки 10 других текстов этой группы иллюстрировали наступившие перемены:

«Ямэс и кашынг вэл'ты пите» («Лучше, веселей стало жить») / «Мунг моус мув отнев хутыл'» («Наша северная земля светится») / «Йам вёл'нёс» («Хорошая жизнь») / «Ил'ён вел'тот» («Новая жизнь») / «Вёл'ты интам яма ис» («Жить с этих пор стало хорошо»).

Очевиден и «кампанейский» характер продиктованных злобой дня 16 из 24 массово-политических текстов (исключая стихи), связанных с выборами в местные советы конца 1939 г., 7 текстов 1941 г. (о местной промышленности и торговле), посвящённых выполнению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7 января 1941 г. об увеличении производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья.

К числу «серийных» можно отнести и более или менее регулярные праздничные публикации 1 мая (17, в том числе 5 стихотворений) и 7 ноября (11, в том числе 5 стихотворений). Немногочисленные статьи на международные темы (в 1940 г. – 3) были связаны с советско-финляндской войной 1939–1940 гг.

Рост числа публикаций в 1935 г. во многом обеспечила деятельность кружка национального творчества при педагогическом училище [9; 14, 135], издавшего несколько рукописных журналов, а также организация литературной консультации [14, 135] – общественного обсуждения хантыйских и мансийских текстов для газеты³. А в 1939–1941 гг. сказались усилия редакции, учредившей должности заведующего хантыйской страничкой и спецкоров по Сургутскому, Микояновскому и Берёзовскому районам⁴.

Хантыйские газетные репрезентации отличались от научных и специальных пропагандистских образов советизирующегося Севера прежде всего стилем и жанрами. Их перечень находим в смете авторских гонораров редакции газеты. Здесь фигурируют информационные жанры – заметка и хроника, аналитические – передовица и статья, художественно-публицистические – фельетон и очерк⁵. Размещались в газете и лозунги, корреспонденции с мест, художественные произведения, главным образом стихотворные, подписи под изображениями (креолизованные тексты).

Доминирующими жанрами-стилями были информационные заметки, а также агитационно-ориентированные публицистические – зарисовки, редко очерки, лозунги. Жанрово-стилевые группы и типы хантыйских текстов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Жанровые группы хантыйских публикаций

Жанры / Годы	Информационные	Подписи под изображениями	Аналитические	Агитационно-публицистические	Художественные	Всего
1935	-	1	2	9	12	24
1937	28	8	1	11	3	51
1940	18	1	9	24	10	62
Всего:	46	10	12	44	25	137

Как справлялись пишущие по-хантыйски авторы с конструированием этого жанрово-тематического пространства?

Исследователи младописьменных литератур отмечают две важные особенности: становление этих литератур как наивной кальки с русско-советской литературной традиции и, в то же время, сохранение связи с культурой своего народа, прежде всего, фольклором [6, 261–262; 17, 127]. Эти наблюдения можно отнести и к рассматриваемым газетным текстам.

При чтении их часто создаётся впечатление, что перед нами не оригинальный, а переведённый с русского языка текст – своеобразный палимпсест. Во-первых, в хантыйском тексте то и дело обнаруживаются русские (непереведённые) фрагменты:

«Тув утл'член совета, Конев, как яма ропитты бригадир на массовой ропута верты хо принимается кандидат партия / Готовитман Великой Октябрьской емынгхатл'а Тренькинской Киров немый артель вуитыс обязательства готовой хут ветты план выполняты срокыт унта / Немоты отынгна ан тотьман ан патман товарищ Лельхов принимайтмат участия сахатым самалет пассажирит спасаитмн».

Во-вторых, налицо использование русских грамматических конструкций, неприемлемых с точки зрения хантыйского языка; примеры приведены в таблице 3.

³ Нанть-Маңси Сор (Остяко-Вогульская Правда). 1935. 11 мая.

⁴ Государственный архив Югры (далее ГАЮ). Фонд (далее Ф.) Р-32. Опись (далее О.) 2. Дело (далее Д.) 4. Лист (далее Л) .36 об., 53 об., 57 об.

⁵ ГАЮ. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

Примеры русских грамматических конструкций в хантыйских текстах

Газетный текст	Ошибка	Исправленная ошибка
Muŋ kolhoset enemlet	Пропущены показатели времени, лица и числа глагольной словоформы	Muŋ kolhoset enmällöv
Muŋ vantev i nærm muvev iləp verl	Пропущены показатели времени, лица и числа глагольной словоформы	Muŋ vantev pa nærm muvev ilpa verlət
Manem katra purajŋ venltjjet an raget ves	Пропущены показатель инфинитива, времени, лица и числа глагольной словоформы	Manem katra purajŋ venltjjeti an ragəs

Наконец, тексты переполнены русскими лексическими заимствованиями.

Вслед за М. Д. Люблинской и М. В. Пушкаревой [13, 11–13] выделим их основные типы.

1) Слово, словосочетание бралось из языка-донора напрямую:

«Колхоз...» / «социализм» / «кадрет» / «газетайя» / «окрук» / «организацияет», «плантл'» («vettal plan verti» – делать пятилетний план) / туз-совет» / метро.

2) Калькирование: слову, словосочетанию языка-донора находился прямой эквивалент:

«Бедняки и середняки» – «*niza joh pa srednaket*» / «красное знамя» – «*vurt suhet*», «*вурты сук*» (красная шкура) / «светлая жизнь» – «*новы вэл'тонса*» («ради светлой радостной жизни» – «*новы амтенг вэл'тот паты*») / «день выборов» – «*пирыйты хатл*» / «Ханты-Мансийский народ – «*ханты-манси еох*».

Промежуточным вариантом можно считать словосочетания напрямую заимствованного слова и кальки:

«*Вурт знамя*» – красное знамя / «*вурт армия*» – красная армия / «*колхоз еох*» – колхозники / «*ропитть еох*» – рабочий народ / «*хут савот*» – рыбный завод.

3) Под влиянием языка-донора слово, словосочетание в языке-реципиенте приобретало новый, подчас прецедентный смысл:

«*Muŋ muvev*» / «*Muŋ sovet muvev*» («наша / советская / земля») / «*кашынг вел'ты питтес*» («жизнь стала весёлой») / «*ям пил'хо*» («хороший друг»; официальная формула обращения) / «*нэпек*» («бумага», «письмо», «записка», «книга») / «*тарнэнг куро*» («боевой шаг»).

Статистическая обработка заимствованной лексики в основных тематических группах текстов (исключая стихотворные) дала следующие результаты.

В текстах, посвящённых идеологии и массово-политической работе, налицо заметное преобладание лексемы «*ропута*» / «*ропитть*» и её

словоформ («*ропитты ех*», «*организация ропута*», «*разъяснительной ропитот*», «*йама ропиттл' совет*») – на её долю в 1935 г. пришлось 11,8%, в 1937 г. – 8,9% и в 1940 г. – 11,9% заимствований. 'Совет' и его словоформы в 1935 г. дали 5%, в 1937 г. – 6,2%, в 1940 г. – 4,7%.

Другими распространёнными заимствованиями в этой группе текстов явились «*колхоз*» – 5% и 8% соответственно в 1935 и 1940 гг., «*газета*» – 5,6% в 1935 г., словосочетания с местоимением «*мунг*» – «*мунг мувев*», «*мунг совет мувев*», «*мунг газетайя*», «*мунг окрук*» и т. п. – 7,1% в 1935 г., а также с другим местоимением 'кажынг' – в контексте неких солидарных действий и (или) императивно-обязывающей модальности – 6,2% в 1937 г. («*кажынг советн*», «*кажынг воин па кажынг кёртн*», «*кажынг колхозн па кажынг советн*», «*кажынг хатл*»).

В группе текстов, освещавших колхозную жизнь доминировали такие заимствования (со словоформами), как «*ропитть*» – 7,1% в 1937 г., 6,8% в 1940 г. и «*колхоз*» – 17,0% в 1937 г. и 15% в 1940 г. В 1937 г. 8,9% дал «*совет*», а в 1940 г. по 6,5% пришлось на долю словосочетания «*план выполнятсев*».

Наконец, в группе текстов о культуре, образовании, науке, народном творчестве в 1935 г. наибольший удельный вес среди заимствований принадлежал «*ропитть*» – 5,8% и «*курс*» – 7,7%, в 1937 г. «*школан*» – 13,4%, в 1940 г. – «*совет*» и «*изба читальной*» – по 5,2% и «*ропута*» – 13,8%.

Сам по себе факт широких лексических заимствований естественен и закономерен. Хантыйский язык, функционировавший в семье, быту, промыслах, фольклоре, песенном творчестве приобрел письменность в известных исторических и культурных условиях. Язык входил в новые области бытования, в том числе общественно-политическую, призван был представлять не только этнические, местные, но и региональные, общесоюзные, даже международные реалии.

Но таким образом язык «впускал» в мироведение ханты культурно чуждые современные новации. За редким исключением ('kurs') названные заимствования, безусловно, несли идеологическую нагрузку, хотя к так называемым советизмам можно отнести только «колхоз», «совет» и «план». Наряду с «школа» и, особенно, «ропута» – «ропитть», эти словоформы в хантыйских газетных текстах служили «монадами» нового образного пространства Югры, обрастали ассоциативными полями.

Представим схему одного из таких полей.

«Колхоз» – «колхоз еох» (синоним «колхозникыт» сколько-нибудь широкого распространения не получил), – «ропута» (иногда «ударникыт», «стахановцаит»), – «план» (часто «хут вэтты план» – план вылова рыбы) – «(пере)выполняйтсэв». В 1940 г., когда появилось большинство текстов, посвящённых колхозной тематике, это ещё и «Всесоюзной сельскохозяйственной выставкан», которая всячески рекламировалась, и в которой призывали участвовать.

И далее: «премиян» (полученные за производственные успехи) – «ямэс и кашинг вэл'ты питес» («жить стало лучше, жить стало веселей»). С темой всесоюзной выставки сопрягалась и тема страны – «мунг совет мувев».

Чужой, вторгнувшийся в жизнь ханты мир, и подавался читателю, как не вполне определённый, с многочисленными орфографическими и стилистическими ошибками⁶. Первые были обусловлены, прежде всего, де факто укоренившимся фонетическим принципом⁷ – авторы (переводчики) «писали, как слышали». Сказывалось, вероятно, и низкое качество редактуры. Распространённым явлением было разное написание одних и тех же заимствованных слов, зачастую в одном тексте:

«kolhoza – kolhosa / завоет – савоет / Ленин – Л'енин / влась – лась / кажын – кажин / кажынг – кожын – каженг / мунг округевн – мунг округэвн» / процента – просента / гектар – гектор / центер – центнер.

Примеры стилистических ошибок показаны в таблице 4.

Таблица 4

Примеры стилистических ошибок в газетных текстах

Газетный текст	Ошибка	Исправленная ошибка
«Изы л'ыв хорамынет' кул'ет» - ...	Прямо «толстые» – «кул'ет'»: у ханты говорить не принято.	Надо сказать просто: «красивые – 'Изы л'ыв хорамынет'»
Пумасипа партия и совет власйя йам вёл'рес пагы	Нарушен порядок слов в конструкции, налицо заимствование - конструкция полностью калькирована из русского языка	Партия и совет власйя йам вёл'рес пагы пумасипа lupluv
Ar studentlev jama venltjjesuv	Нарушено согласование в конструкции, наблюдается скрытое заимствование, конструкция полностью калькирована из русского языка	Ar student jama venltjjesət/ Ar student jama venltjjesəv

Чужой для говорящих на разных диалектах ханты была и попытка создания единого литературного языка [23, 127]. Выйдя через газету в публичное пространство в начале 1930-х гг., советские активисты-ханты очень скоро столкнулись с ней. Первая публикация 28 сентября 1931 г. была выполнена на «остяцком языке Сургутского района». В дальнейшем использовался казымский, а с 1937 г. – среднеобской [7], хотя встречались и элементы казымского и шурышкарского диалектов. Так, в заметке «План выполняйтсэв» 7 ноября 1939 г., написанной на среднеобском диалекте, читаем: «5 мит числая ноябрь тыл'ыса хут план колхозна выполняйтса 114 просента». 'Тыл-ыса' здесь словоформа шурышкарского диалекта.

В следующем предложении «Ийкемн уны еох питна артельн хут ветпостыт 16 кутынг Миша Аксонов» словоформой приуральского / шурышкарского диалектов является «ийкемн» [5, 43]. Наконец, в последнем предложении использовано мансийское слово «ойка», также употребляемое в северных хантыйских диалектах. Заметим, что аналогичным образом обстоит дело и в учебной литературе того времени [8].

Итак, хантыйские авторы (зачастую переводчики) писали на вторичном, по сути заимствованном не только на уровне лексики, грамматических и стилистических форм, языке. Но можно ли отождествлять язык говорения и язык понимания? Насколько известные политические условия склоняли ко лжи?

⁶ Стилистические ошибки перевода с хантыйского на русский были, видимо, распространённым явлением. – См.: [12, 130-131]

⁷ Н. Б. Кошкарёва говорит о фонематическом принципе [11, 49], но эту оценку нельзя распространять на газетные тексты.

Для ответа на этот вопрос следует прибегнуть, прежде всего, к исследованию поэтических произведений хантыйских поэтов. Стихотворения в отличие от заметок, статей и даже очерковых зарисовок могут быть более определённо квалифицированы как оригинальные тексты, хотя и здесь встречаются приметы заимствований. В лексике это названные выше «*muŋ muvev*» / «*мунг мувев*» (наша земля) – 5,2%, «*kolhos*» / «*колхоз*» и «*sovet*» / «*совет*» – по 7,0%, «*ropitʔ*» / «*ропита*» / «*pronum-tʔ*» / «*ронута*» (работать, работа) – 9,4%, а также «*nuza*» / «*нужа*» (бедный) – 6,7% и «*mir*» / «*мир*» (народ община) – 8,9% заимствований в выявленных текстах 42 стихов.

Стилистика ряда стихотворений, особенно ранних – «*Muŋ vəjtrəsev*» («У нас много знаний»), «*Nuza ho kolhoza juva!*» («Зови народ в колхоз»), «*Ropitʔ vern*» («Рабочее дело») конструирует «русские» репрезентации Севера.

Однако, целый ряд стихотворений содержал единичные заимствования или был совершенно свободен от них. Это «Асн» Николая Свешникова (1940), «Япт от» (1938) Леонида Вайветкина, «Ий этик нэ ай Марья» (1940) Дмитрия Дунаева и многие другие.

Уже в 1935 г. было опубликовано и первое вполне хантыйское с точки зрения стиля стихотворение Киркура (Григория) Лазарева «*Jugann*» («На реке»). Затем появились «Мунг и азе и анки няврэмьт» («Мы одного отца и матери дети», 1937), «Ас» («Объ», 1938), «Мунг питевны Ленин» («С нами Ленин», 1938), «Хантэ хо арь» («Хантыйская песня», 1938), другие произведения.

Рядом с Лазаревым печатались молодые поэты: Д. Тебетев, Н. Лазарев, Н. Свешников, П. Колташков, К. Посохов, Л. Вайветкин. Оценивая их творчество, обратимся к характеристике ранней хантыйской поэзии первого переводчика её на русский язык В. В. Сенкевич. Она отметила, в частности:

1) Г. Лазарев «раньше других преодолел газетно-прозаический стиль» [21, 5].

2) «В стихах Тебетева отражена народно-поэтическая речь, произведения Лазарева – литературное творчество в народном стиле» [21, 5].

3) «Более сложно и углублённо подошёл к языку и стилю Г. Лазарев. Он занялся поэтическим отбором наиболее музыкальных и ярких слов из поэтического и, частично, разговорного языка» [21, 6].

4) «Более молодые из поэтов, например, Посохов и Вайветкин, ещё не научились хорошо пользоваться неисчерпаемым богатством народной речи, они порой допускают отступления от неё» [21, 6].

Оценивая особенности стихотворений, публиковавшихся в газете, отметим наличие известного стилистического диссонанса между строками соб-

ственно лирическими и «идеологическими». Так, в стихотворении Н. Лазарева «*Ous muvn*» («На северной земле», 1935) вслед за лирически тёплыми словами об Атлыме:

«*Ous muvn an huv vel / Atlʔm jugan / Tam jugan ar tas tajt: Vənt, voj, hub*»

следовали «свободные» от мироощущения поэта строки о колхозниках из колхоза им. Сталина и их реалиях, с «*socialistʔn plan*», «*gosudarstvoja*», «*kooperativa*», «*sakər*» и «*seranka*».

Случались и примеры совершенно несостоятельных попыток создания лирических образов. Таково, например, стихотворение Л. Вайветкина «Япт от» («Новое дело», 1938). С точки зрения языка хорошо, легко написанное, оно не только не содержало чувства, но и никак не определяло, в чём же суть «нового дела».

С подобными трудностями сталкивался даже Г. Лазарев («Мунг и азе и анки няврэмьт», «Ханты хо арь»). Однако безукоризненное владение языком и поэтический дар позволяли ему трогательно, вне официальных форм, говорить даже о большевистских вождях («Мунг питевны Ленин», 1938, «Мунг питевны Ленин и Сталин», 1940), органично вписывать в свой текст советские прецедентные формулы («*Wer ʔit verʔəm: vənʔtʔjʔəm, vənʔtʔjʔəm, vənʔtʔjʔəm*» / «Хорошо стал знать: учиться, учиться и учиться!»).

Свидетельства современников, исследования его творчества позволяют увидеть в Лазареве одного из лучших представителей советского этноактива, сумевшего в известных исторических, культурных условиях с помощью языка органически соединить советское с этнокультурным. Известно его участие в обрядах, прекрасное знание этнических нарративов [4, 227; 21, 5]. Схематично и в то же время образно начало своего жизненного пути поэт выразил в стихотворении «Ай вой ветты хо – итоп хо» («Маленький охотник – новый человек», 1940):

Ма уны сема питым, / Ма тата энмым тахаем /
 Воет, тангкет веттан, / Кежет тохет верман. /
 Ма ар пант верым, / Ма ар мув янхым, /
 Воет канман / Тангкек ветман. /
 Интам вошны уттым, / Непек унтыл'тыман. /
 Сора итпа питым / Пантыт верта. /
 Па ех тут питым, /
 Тох хот Ленин памтыс /
 Сталин тут!
 Я здесь родился / Место, где вырос
 Зверя, белку добывал, ножи деляя /
 Я много дорог сделал / я много земель прошёл
 Зверя добывая / белку добывая
 С этих пор я в городе живу / изучая книги

Быстро новым буду / дороги делая
Другим человеком буду
Этот дом Ленин построил
Сталин здесь!

Обсуждение и заключение

Анализ языка хантыйских газетных публикаций позволяет сформулировать несколько наблюдений и выводов.

В предвоенное десятилетие происходило активное освоение хантыйским языком (прежде всего казымским и среднеобским диалектами) новой общественно-политической и образовательной сферы бытования, освоение, осложнявшееся молодостью письменного языка в культуре, веками ориентировавшейся исключительно на устную речь, диалектной разобщенностью, переменами алфавита, крайней немногочисленностью людей, способных осуществить эту миссию.

Движущей силой процесса являлся советский северный дискурс и составлявшая его сердцевину национальная политика. При этом немаловажный аспект дискурса, в Остяко-Вогульском / Ханты-Мансийском округе по необходимости выражавшийся на хантыйском языке, обслуживался по преимуществу молодыми ханты – «другими (новыми) людьми ставшими».

Несмотря на названные проблемы, налицо факт совершенствования хантыйского (казым-

ский, среднеобской диалекты) как языка общественно-политического дискурса, прежде всего, адаптации русских лексических заимствований к правилам хантыйского языка. Что касается грамматических конструкций, стилистики, то и в их отношении можно говорить об улучшениях, хотя и более ограниченных в силу переводного характера значительной части хантыйских текстов.

Это развитие репрезентационных возможностей языка свидетельствовало о проникновении в сознание, пока ещё незначительного слоя советских активистов ханты, новых понятий и объединяющей их идеи модернизации, конструирования новой жизни с советами, колхозами, планами и работой, как формами существования социума и каждого его члена.

«Новый мир» для ханты был чужим, нередко враждебным, молодые неопиты коммунизма затруднялись с наполнением этого понятия позитивным содержанием, но в исторической перспективе его первые не вполне состоятельные манифестации оказались для поколения 1910-х – 1920-х гг. своеобразной прививкой к советским реалиям.

Энтузиазм молодости первых хантыйских поэтов, поддержка русских учителей и опекунов, обаяние русской культуры позволили им, выражаясь словами Н. Поселягина, сыграть важную роль в ориентированной на советизацию «знаковой деятельности» [18].

Список источников и литературы

1. Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 193 с.
2. Ворожбитова А. А., Иванова А. П. Современные языковедческие подходы к феномену дискурса: характеристика и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 4. С. 7–17.
3. Галямов А. А., Ершов М. Ф. М. А. Тебетев: социокультурные истоки живописи хантыйского художника // Человек и культура. 2020. № 5. С. 104–111.
4. Глухих А. С. Ханты оказался русским // Григорий Лазарев. Страницы жизни и творчества. Сб. / сост. С. Н. Нестерова, С. П. Берендеева; отв. ред. Е. С. Роговер. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2013. С. 225–227.
5. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
6. Динисламова С. С. Культурное пограничье в творчестве современных мансийских авторов Е. Анямова и Т. Бахтияровой // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 260–268.
7. Ерныхова О. Д. Деятельность Окружной комиссии по созданию литературного хантыйского языка и сбору фольклорного материала // Филологический аспект. 2019. № 9 (53). С. 60–66.
8. Животиков П. Диалекты и живой хантыйский язык // Остяко-Вогульская Правда. 1940. 29 июня.
9. Животиков П. Поэтическое творчество ханты и манси // Омская правда. 1941. 23 марта.
10. Каксин А. Д. Хантыйские заимствования из русского языка в области лексики связанной с бытом и хозяйственной деятельностью (на материале казымского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. Сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Широбоковой. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. Вып. 5. С. 221–224.
11. Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 47–78.
12. Лазарев Г. Д. Работа над переводом // Григорий Лазарев. Страницы жизни и творчества. Сб. / сост. С. Н. Нестерова, С. П. Берендеева; отв. ред. Е. С. Роговер. Екатеринбург: Баско, 2013. С. 130–131.
13. Люблинская М. Д., Пушкарева М. В. Создание новой терминологии в тундровом ненецком языке. Vocabulary development in Tundra Nenets // Родной язык: Лингвистический журнал. 2019. № 2 (10). С. 5–32.
14. Нестерова С. Н. О творческом пути Григория Лазарева // Григорий Лазарев. Страницы жизни и творчества. Сб. / сост. С. Н. Нестерова, С. П. Берендеева; отв. ред. Е. С. Роговер. Екатеринбург: Баско, 2013. С. 134–142.

15. Новьяхова Н. В. Заимствованная лексика хантыйского языка // Гуманитарные науки Югории. 2003. Вып. 1. С. 113–116.
16. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
17. Полторацкий И. С., Силантьев И. В., Широбокова Н. Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 124–131.
18. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛО. 2012. № 1 (113) – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/antropologicheskij-povorot-v-rossijskih-gumanitarnyh-naukah.html> (дата обращения: 24.08. 2021).
19. Слёзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера / авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой; предисл. П. Верга. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
20. Соловар В. Н. Проблемы и возможности хантыйско-русского и русско-хантыйского перевода // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 60–69.
21. Хантыйская и мансийская поэзия / пер. и вступит ст. И. С. Гудкова и В. В. Сенкевич. Омск: Омское обл. изд-во, 1940. 28 с.
22. McRobbie-Utasi Z. Language Planning, Literacy and Cultural Identity: the Scolt Sámi Case // Zur frage der uralischen schriftsprachen = Вопросы уральских литературных языков / red. G. Zaicz. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1995. Pp. 31–38.
23. Nikolaeva I. A. The Ob-Ugrian peoples and literary language; a personal opinion // Zur frage der uralischen schriftsprachen = Вопросы уральских литературных языков / red. G. Zaicz. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1995. Pp. 127.
24. Onyina Sz. A hantik identitásának kérdéséhez // Folia Uralica Debreceniensia 13. Debrecen: A Debreceni Egyetem Finnugor Tanszékének Kiadványai, 2006. Pp. 55–63.
25. Onyina S. Zur Frage der Identität der Chanten // Language and Identity in the Finno-Ugric World. Maastricht: Shaker Publishing, 2007. Pp. 205–213.
26. Onina S., Csepregi M. Observations of Khanty Identity: The Synya and Surgut Khanty // Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities / R. Grünthal, M. Kovác. Helsinki: [w/p], 2011. Pp. 341–358.

References

1. Alekseeva L. V. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v pervoye desyatiletie (dekabr' 1930 g. – iyun' 1941 g.)* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the first decade (December 1930 – June 1941)]. Khanty-Mansiysk: Polygraphist Publ., 2008. 193 p. (In Russian)
2. Vorozhbitova A. A., Ivanova A. P. *Sovremennyye yazykovedcheskiye podkhody k fenomenu diskursa: kharakteristika i perspektivy* [Modern linguistic approaches to the phenomenon of discourse: characteristics and prospects]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2017, no. 4, pp. 7–17. (In Russian)
3. Galyamov A. A., Yershov M. F. *M. A. Tebetev: sotsiokul'turnyye istoki zhivopisi khantyyskogo khudozhnika* [M. A. Tebetev: socio-cultural origins of the painting of the Khanty artist]. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture], 2020, no. 5, pp. 104–111. (In Russian)
4. Glukhikh A. S. *Khanty okazalsya russkim* [A Khanty man turned out to be a Russian]. *Grigoriy Lazarev. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Grigoriy Lazarev. Pages of life and creativity]. Comp. by S. N. Nesterova, S. P. Berendeeva. Ed. by Ye. S. Rogover. Yekaterinburg: Basko Publ., 2013. pp. 225–227. (In Russian)
5. *Dialektologicheskii slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Russian)
6. Dinislamova S. S. *Kul'turnoye pogranich'ye v tvorchestve sovremennykh mansiyskikh avtorov Ye. Anyamova i T. Bakhtiyarovoy* [Cultural frontier in the creative works of modern Mansi authors Ye. Anyamov and T. Bakhtiyarova]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (2), pp. 260–268. (In Russian)
7. Yernykhova O. D. *Deyatel'nost' Okrzhnoy komissii po sozdaniyu literaturnogo khantyyskogo yazyka i sboru fol'klornogo materiala* [Activity of the Okrug Commission on the creation of a literary Khanty language and the collection of folklore materials]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2019, no. 9 (53), pp. 60–66. (In Russian)
8. Zhivotikov P. *Dialekty i zhivoy khantyyskiy yazyk* [Dialects and living Khanty language]. *Ostyako-Vogul'skaya Pravda* [Ostyako-Vogulsk Pravda], 1940, June 29. (In Russian)
9. Zhivotikov P. *Poeticheskoye tvorchestvo khanty i mansi* [Poetic creativity of the Khanty and Mansi]. *Omskaya Pravda* [Omsk Pravda], 1941, March 23. (In Russian)
10. Kaksin A. D. *Khantyyskiye zaimstvovaniya iz russkogo yazyka v oblasti leksiki svyazannoy s bytom i khozyaystvennoy deyatel'nost'yu (na materiale kazym'skogo dialekta)* [Khanty borrowings from the Russian language in the field of vocabulary related to everyday life and economic activity (based on the Kazym dialect)]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk: Sibirskij hronograf Publ., 1999. Iss. 5. pp. 221–224. (In Russian)
11. Koshkareva N. B. *Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii* [Actual issues of improving the Khanty graphics and spelling]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 3 (14), pp. 47–78. (In Russian)

12. Lazarev G. D. *Rabota nad perevodom* [Work on the translation]. *Grigoriy Lazarev. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Grigoriy Lazarev. Pages of life and creativity]. Comp. by S. N. Nesterova, S. P. Berendeeva. Ed. by E. S. Rogover. Yekaterinburg: Basko Publ., 2013. pp. 130–131. (In Russian)
13. Lyublinskaya M. D., Pushkareva M. V. *Sozdaniye novoy terminologii v tundrovom nenetskom yazyke. Vocabulary development in Tundra Nenets* [Creation of new terminology in the Tundra Nenets language. Vocabulary development in Tundra Nenets]. *Rodnoy yazyk: Lingvisticheskiy zhurnal* [Native language: Linguistic Journal], 2019, no. 2 (10), pp. 5–32. (In Russian)
14. Nesterova S. N. *O tvorchestvom puti Grigoriya Lazareva* [About the creative way of Grigoriy Lazarev]. *Grigoriy Lazarev. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Grigoriy Lazarev. Pages of life and creativity]. Comp. by S. N. Nesterova, S. P. Berendeeva. Ed. by E. S. Rogover. Yekaterinburg: Basko Publ., 2013. pp. 134–142. (In Russian)
15. Novjukhova N. V. *Zaimstvovannaya leksika khantyyskogo yazyka* [Borrowed vocabulary of the Khanty language]. *Gumanitarnyye nauki Yugorii* [Humanities of Yugoria], 2003, no. 1, pp. 113–116. (In Russian)
16. Perevalova Ye. V. *Obskiye ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [The Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2019. 350 p. (In Russian)
17. Poltoratskiy I. S., Silantyev I. V., Shirobokova N. N. *Nekotoryye teoreticheskiye aspekty izucheniya mladopis'mennykh literatur* [Some theoretical aspects of the study of newly scripted literatures]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2013, no. 4, pp. 124–131. (In Russian)
18. Poselyagin N. *Antropologicheskiy povорот v rossiyskikh gumanitarnykh naukakh* [Anthropological turn in the Russian humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2012, no. 1 (113). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/antropologicheskiy-povorot-v-rossijskih-gumanitarnykh-naukah.html> (accessed: August 24, 2021). (In Russian)
19. Slozkin Yu. *Arkticheskiye zerkala. Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors. Russia and the indigenous peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p. (In Russian)
20. Solovar V. N. *Problemy i vozmozhnosti khantyysko-russkogo i russko-khantyyskogo perevoda* [Problems and opportunities of Khanty-Russian and Russian-Khanty translation]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 7 (4), pp. 60–69. (In Russian)
21. *Khantyyskaya i mansiyskaya poeziya* [Khanty and Mansi poetry]. I. S. Gudkov, V. V. Senkevich. Omsk: Omskoe obl. izd-vo Publ., 1940. 28 p. (In Russian)
22. McRobbie-Utasi Z. *Language Planning, Literacy and Cultural Identity: the Scolt Sámi Case*. Zur frage der urbanischen schriftsprachen. Ed. G. Zaicz. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1995. pp. 31–38. (In English)
23. Nikolaeva I. A. *The Ob-Ugrian peoples and literary language; a personal opinion*. Zur frage der urbanischen schriftsprachen. Ed. G. Zaicz. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1995. pp. 127. (In English)
24. Onyina Sz. A hantik identitásának kérdésehez. *Folia Uralica Debreceniensia*, 2006, no. 13, pp. 55–63. (In Hungarian)
25. Onyna S. *Zur Frage der Identität der Chanten*. Language and Identity in the Finno-Ugric World. Maastricht: Shaker Publishing, 2007. pp. 205–213. (In German)
26. Onina S., Csepregi M. *Observations of Khanty Identity: The Synya and Surgut Khanty*. Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. R. Grünthal, M. Kovác. Helsinki: [w/p], 2011. pp. 341–358. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Онина Софья Владимировна, ведущий научный сотрудник, Югорский государственный университет (6280012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), кандидат филологических наук.

oninas@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3003-993X

Киселёв Александр Георгиевич, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), доктор исторических наук.

kiselev1954@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4677-5250

ABOUT THE AUTHORS

Onina Sofya Vladimirovna, Leading Researcher, Yugra State University (628012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhova st., 16), Candidate of Philological Sciences.

oninas@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3003-993X

Kiselev Alexander Georgievich, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Historical Sciences.

kiselev1954@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4677-5250